

ДЕЛО О ПРАВОВЕРНОМ ЕРЕТИКЕ*

**ЛИСТАЯ
НОВЫЕ
СТРАНИЦЫ**

Эту книгу хочется порекомендовать всем, кому не безразлична наша философия, да и гуманитарная культура в целом. Посвящена она Эрику Григорьевичу Юдину — мужественному человеку и мужественному философу, одному из основоположников системного подхода в русской философии и науке. От других книг этой новой, но уже получившей широкую известность серии она отличается необычностью построения: первую часть — примерно половину ее объема — составляет подготовленная томскими историками подборка архивных документов о “процессе Юдина” — о том, как герой книги был публично ошельмован, арестован и осужден, фактически, только за то, что после XX съезда КПСС выступил с требованием развертывания гласности в стране. Для истории нашей философии второй половины XX века эта часть важна не менее, чем любые историко-философские штудии. Точно так же, как для нас, размышляющих о философии сегодня, равно важны и сочинения Абельяра, и его жизненная драма — она, как и жизненная драма Сократа, сама есть часть истории философии, может быть, больше проясняющая суть философствования, чем любые тексты. Редактор книги Б.Г. Юдин был прав, поместив в нее статью В.Л. Рабиновича: вроде бы, и не о Э.Г. Юдине, а о “процессе Абельяра”, — но какая абсолютная аналогия, “почти художественный

фотонегатив” (С. 370). Только лучше было бы дать эту статью сразу за разделом с архивными документами: уж больно поразительно (и страшновато) перекликается с персональным делом Юдина “коллаж” из подготовительных документов Санского собора!

Некоторые обстоятельства “процесса” заслуживают того, чтобы их подчеркнуть специально и задуматься над ними. В.Л. Рабинович очень верно употребил парадоксальную формулировку “правоверный еретик”. Ведь чего требовал Э.Г. Юдин, и не тая “враждебные замыслы”, а публично, на высшем по тем временам форуме — партийном собрании? Да того, чтобы рядовые члены партии принимали участие в выработке политических решений и чтобы вышестоящие руководители регулярно отчитывались перед теми, кто их избирал, как того прямо требовал Устав той самой партии. Ни больше, ни меньше. На тотальном несоблюдении этих требований держалась вся система, как само оно держалось на коллективном лицемерии сотен тысяч, а позже и миллионов. Но кто решится сказать, что “король голый”? Такой “сумасшедший” нашелся, и не среди обиженных “отщепенцев”, а среди преподавателей официально утвержденной и единственно правильной философской доктрины. Аналогия с Абельяром работает безотказно: “он нападает на закон при

* Эрик Григорьевич Юдин / Под ред. Б.Г. Юдина. М.: РОССПЭН, 2010. 399 с. (Серия: Философия России второй половины XX века).

Э.Г. Юдин.
После окончания
института. Начало
1950-х гг.

помощи слов закона” (С. 370). Вот что оказалось страшным и вызвало репрессии, поражающие, на первый взгляд, их несоразмерностью деянию.

Обратим внимание: во всех “осуждающих” Э.Г. Юдина документах, как в заезженной пластинке, повторяются сказанные им на партсобрании слова, после чего следует формула, осуждающая его за “антисоветскую пропаганду”. Но нигде, ни в одном документе нет необходимой связи между этими двумя позициями: нет опровержения “антисоветской пропаганды” Юдина, доказательств “клеветнического характера” его утверждений об отрыве властей от народа. Все слишком хорошо понимают, что он не просто прав, а прав совершенно очевидно.

Что еще обращает на себя внимание при чтении документов 1956–1957 годов, так это поведение коллег Э.Г. Юдина. Прежде всего, не обходится без доносчика, который действительно бывает всегда “не из самых главных” и которым

движет зависть. Но что поражает больше всего, так это быстрота, с которой людей “ломали”. Не будем приводить примеров из текста — их слишком много и слишком тягостно впечатление, которое они оставляют. Тем более, что “на арене” — то самое гуманитарное научно-педагогическое сообщество, к которому принадлежит и автор, и большая часть его читателей. Пусть и полувековой давности. Отметим лишь, как вел себя непосредственный начальник Э.Г. Юдина — заведующий кафедрой. На партийном собрании 14 ноября 1956 г. он никак не осуждает Юдина и избирается вместе с ним в члены партбюро института. На собрании 21 декабря 1956 г. он говорит, что Юдин допустил ошибки, но не с сознательной целью, и предлагает уволить его из института, оставив в партии. На собрании 24 января 1957 г. тот же самый человек уже говорит, что Юдин — это “матерый антисоветский элемент”, который воспользовался “потерей бдительности”, чтобы политически развращать студентов и преподавателей (С. 95). Через такую же “эволюцию” взглядов должен был пройти каждый из коллег Юдина. Это очень важно: никто не должен быть замечен в том, что пытается уклониться от осуждения выявленного “врага”. А если пытается смягчить участь последнего, — значит, сам враг. (“Товарищи! Я никогда себе не прощу, что выступила в защиту Юдина. Я не знаю, куда мне деваться от позора.” — С. 98.) Происходит коллективное изнасилование совести десятков людей.

Когда читаешь сухие страницы архивных документов, на которых запеклись метания, страдания, муки и кровь людей, в голове возникает такой образ. Главная движущая сила поведения всех этих людей — жуткий страх. Он давно и прочно был привит в их души, но сами души находились под прессом. После XX съезда пресс приподняли, пошел прилив свежего воздуха — и тлевший страх запольхал в полную силу. Он стал сжирать людей изнутри, и от невыносимого ужаса они были

готовы кинуться куда и на кого угодно. Эта готовность пойти на заведомую подлость тем более усиливается, что гонители с легкостью сами превращаются в гонимых. Коллеги, осуждавшие Юдина и предлагавшие объявить ему выговор, но не увольнять из института, вскоре исключаются из партии и лишаются работы за “пособничество”. Партийные чиновники района, уволившие Юдина из института, но не исключившие его из партии, получают взыскание и увольняются за “мягкотелость”.

Во всех выступлениях рефреном проходит одно обвинение, которое вошло затем и во все “обвинительные акты”: он посмел самостоятельно думать, по своему излагать философию в лекциях и учил студентов критическому мышлению. Подобное поведение обвинители заклеили различными словами, последним из которых было “дикое” (С. 64). Оно и было “диким”: ведь преподаватель философии в насквозь идеологизированном обществе посмел быть философом!

Конфликт мышления философского и мышления обыденного, оперирующего общепринятыми стереотипами, вековечен и, в общем, привычен. Но во времена, когда на дрожжах обыденного мышления произрастает мышление идеологическое, он превращается в конфликт идеологии и философии и обычно заканчивается осуждением и гибелью тех, кто имел смелость мыслить. Когда читаешь страницу за страницей протоколы партийных собраний и допросов, собранные в книге, — почти физически чувствуешь взрывоопасную нестыкуемость рационального мышления с идеологическим. Против идеологического обвинения нет ни аргумента, ни нравственного императива.

В идеологической системе самостоятельно мыслящий человек обречен оказаться “врагом”, даже если он искренне предан принципам, на которых система построена. Если предан — то тем хуже для него: его будут изничтожать во имя того, во что он сам верит. Для Абельяра католические иерархи, механически

повторяющие формулы вероучения, не задумываясь над их смыслом, хуже неверующих. Обрядовость губит искренность их веры. К вере нужно прийти самостоятельно — тогда она будет действенной.

Прав Абельяра! Но, с другой стороны, “механическая” вера по традиции, через повторение усвоенных формул — основа общественной стабильности. Можно разбудить мысль у массы, но сколько в этой массе будет Абельяров? Удержать созидательную направленность критического мышления способны лишь немногие. Большинство же занесет, и оно разнесет в обществе все — и плохое, и хорошее. Стало быть, прав Бернар, который травит абельярово учение как опасную для общества заразу? Дилемма неразрешима.

Прошло восемьсот лет, и в России повторилась та же история столкновения философского и идеологического мышления. В 1929 г. Ян Стэн посмел призвать к тому же, к чему призывал Абельяра: к самостоятельному размышлению над вопросами идеологии. В “Комсомольской правде” 26 июля 1929 г. он писал, что нужно “на собственном опыте прорабатывать серьезно все вопросы, и таким путем убеждаться в правильности генеральной линии нашей партии; только такая убежденность, приобретенная на собственном опыте, путем самостоятельного продумывания всех основных вопросов может иметь все и ударную силу в практической деятельности”. Он сказал эти слова, и был раздавлен деспотической машиной, выступавшей от имени идеологии. Машина эта может все, она может убить человека физически и раздавить его духовно. Не может она только одно — сохранить искренность веры в идеологию. Она уничтожает самостоятельную мысль, и вера превращается в обрядовость, в жонглирование формулами. Деспотическая машина не способна на идеологическую полемику. Да, собственно, и идеология на нее не способна — для этого ей нужно стать чем-то совсем другим, например, философией.

Диспут, дискуссия, подобные той, в которой участвовал Э.Г. Юдин в Томском пединституте, — всего лишь декорации для внедрения бесспорных истин. Деспотическая машина осуждает свои жертвы не за отступления от идеологии, ибо ей уже безразлична всякая идеология. Главное преступление — сама свободная мысль.

На это обстоятельство важно обратить внимание, ибо иначе нельзя понять все то, что произошло с Э.Г. Юдиным. Он ведь не выступал против официальной идеологии. А те, кто эту идеологию охраняли, сами давно перестали относиться к ней всерьез: идейных людей к тому времени давно уже сменили функционеры, к идейному спору не способные и не склонные, сама же идеология так же давно превратилась в набор прагматических установок и менялась в зависимости от политической конъюнктуры. Поэтому нельзя сказать, что Юдину “были предъявлены идеологические обвинения” — они нужны были лишь для оформления “приговора”. Юдин был осужден по той же самой модели, по которой были уничтожены Я. Стэн и другие философы 1920-х годов. Документы тех лет хорошо показывают, что в отношении достаточно значимых фигур “философского фронта” кара за “ревизионизм” следовала вскоре после того, как они по какому-то поводу проявляли самостоятельность, давали пренебрежительную оценку Сталину или позволили подозревать себя в этом. Предъявление этим людям идеологических обвинений в том или ином “отступлении” от марксизма имело характер оформления репрессии и ни в какой связи не находилось с их реальными теоретическими воззрениями.

Юрий Тынянов говорил когда-то, что документы лгут так же, как и люди. “Процесс Юдина” — это изготовление таких лживых документов, за которыми не стояло ничего, кроме апломба безнаказанности власти. Философа нужно было оболгать, чтобы осудить. В.Л. Рабинович с изумительной точностью выра-

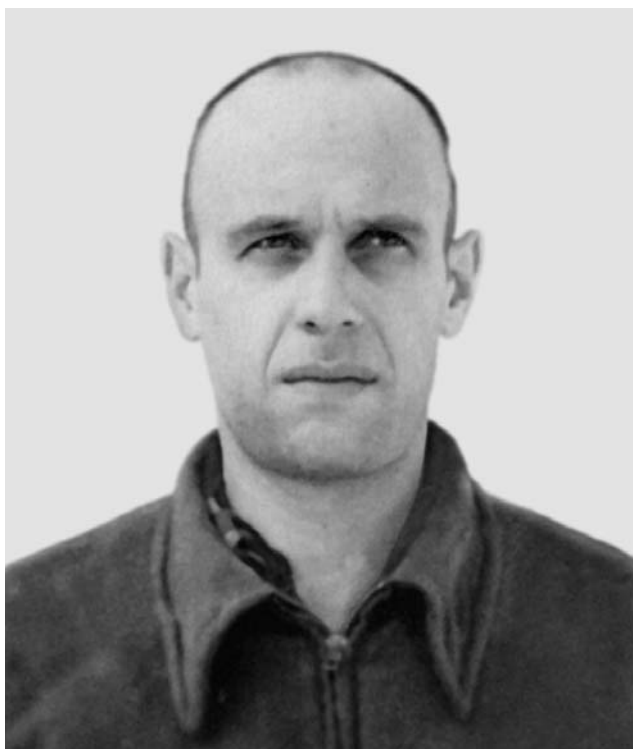
зил это обстоятельство, сказав: “А все ярлыки лишь для связки слов, призванных описать мишень, для предстоящей атаки, мишень; имя которой — внутренний враг” (С. 368). Он же показал и основной прием, который используется при идеологическом осуждении. Никоем образом нельзя обсуждать по существу выдвинутые “еретиком” новые идеи. Нужно представить их как повторение старой, уже давно осужденной “ереси”: арианства, пелагианства и пр. Формула осуждения должна быть знакомой на уровне основного рефлекса, выработанного с помощью электрошока. Первый секретарь Томского обкома КПСС Москвин, решавший судьбу Эрика Юдина на заседании партийной коллегии, поступил в точности по рецепту папы римского Иннокентия, предавшего Петра Абеляра суду Санского собора. Думали партийные инквизиторы, думали, в чем же обвинить философа, и не нашли ничего, кроме старого, проверенного на десятках тысяч жертв обвинения в троцкизме. “Чудище обло, озорно, огромно, стозевно и лаая!”. Смысла в этом обвинении никакого. Троцкизм здесь — лишь ругательство, приводящее в суеверный ужас, который парализует мысль.

Э.Г. Юдин как любой нормальный человек хотел жить и заниматься любимым делом. Поэтому, когда на бюро райкома его “привлекли к ответственности”, он покался. Но покаяние в этой системе означало последующие непрерывные самоунижения и предательства. Не каждый на это способен. Э.Г. Юдин был неспособен органически. Поэтому при разборе дела в более высоких инстанциях он стал защищать собственное достоинство и отвергать возводимую на него ложь. Такое поведение было квалифицировано как “неискренность” и дало формальное основание считать его ложно раскаявшимся и усилить наказание. Ничего нового в этом приеме нет. Как верно замечает В.Л. Рабинович, для ревнителей догмы главным в текстах Абеляра были не столько “ошибки”, сколько упорство в их от-

стаивании (С. 372). В 1930-х годах для ситуации, когда человек пытался в ходе процесса защитить свое достоинство и сопротивляться системе, существовала специальная формула: “неразоружившийся троцкист”. Она полностью аналогична той, которую мы знаем по известным процессам средневековья: “вторично вставший в ересь”. По этой формуле были подведены под костер Жанна д’Арк и Дж. Бруно, да и для осуждения Абеляра потребовалось два собора: Суассонский и Санский. Обе названные выше формулы были желанны для инквизиторов, церковных и партийных, ибо давали основание передать неисправимого еретика в руки светской власти, то бишь НКВД того или иного времени, для исполнения над ним заслуженного наказания. Это и сделало бюро Томского обкома КПСС, передав Э.Г. Юдина в руки следователей и тюремщиков КГБ.

А уж их работа — добиться от заключенного отречения, применяя свои специфические методы. Отрекся в этих условиях Абеляр, отреклись Стэн и Карев, отрекся и Э.Г. Юдин. Об этом тоже не нужно забывать, постоянно помня, что всякий может оказаться в этой ситуации. В нашей стране возможно все. Мы и сейчас живем не без идеологии. А если все изменится к худшему, причем неважно, в каком именно идеологическом направлении? Кто может поручиться тогда за себя, не говоря уже о других? Мы не стали лучше в нравственном отношении, да и общество, в котором мы живем, воспроизводит модели отношений, идущие из глубины веков. Вывески меняются, но сами отношения остаются. При благоприятной обстановке грань преступления незаметно и всегда из благих побуждений. Написал же Паскаль в Руане донос на философа, осмелившегося вести преподавание по своей системе, и не поленился самолично принести сей донос епископу. А Паскаль ведь во многих отношениях может считаться образцом нравственности.

Наше научно-философское общество не свалилось с неба на

землю, а выросло из тех поколений, что были изуродованы десятилетиями сталинизма. Главное преступление этого режима даже не в том, что он убивал людей. Он убивал в людях человека. Он стимулировал безнравственное поведение, делая его условием выживания. Как мрачно шутят биологи, это был “противоестественный отбор”, отбор на уничтожение всего талантливого и самостоятельно мыслящего. Но, говоря об этом режиме, мы, боюсь, зачастую впадаем в схематизм, не учитывая всей сложности взаимоотношений людей. Идеологическое давление власти на интеллигенцию и репрессии как форма и результат этого давления — далеко не вся правда, а иногда — лишь видимость, маскирующая иное содержание. Реально механизм репрессий зачастую запускали не слуги режима, а “сослуживцы-доброжелатели” (С. 375). Сколько карьер было сделано на доносах, когда полуграмотные энкаведэшники просто использовались в качестве инструмента

**После
освобождения.
1960 г.**

для расчистки пути наверх! Скольких доносчиков можем мы назвать по именам? Кроме имен людей, дошедших на Николая Вавилова, — их самоотверженно “раскопал” Марк Поповский и поплатился за это эмиграцией — никто и на память не приходит. Честное имя доносчиков у нас бережно охраняется как законами государства, все более ужесточающимися в этом отношении, так и правилами хорошего тона русской интеллигенции, у которой называть эти имена не принято.

Внимательное чтение приведенного в книге массива архивных документов невольно выводит на множество социальных и нравственных проблем функционирования нашего философского сообщества, и разговор на эти темы далек от завершения. По документальной части книги можно высказать лишь одно замечание: историки, готовившие архивную подборку, напрасно ограничились томскими архивами и не обратились к персональному делу Э.Г. Юдина в Российском государственном архиве социально-политической истории.

Вторая, относительно небольшая часть книги содержит воспоминания родных, друзей и коллег Э.Г. Юдина. Эти материалы читаются с большим интересом: поскольку из них встает живой образ Э.Г. Юдина как человека и ученого. Подвигом было уже то, что он с клеймом преступника сумел вернуться в науку и достичь результатов, какие есть в активе далеко не у каждого. Мы встречаем его имя в ряду девятнадцати лучших “философов России второй половины XX века”. Бывший экз, кандидат наук, умерший в 45 лет, — встает в один ряд с прожившим долгую и славную жизнь академиком Кедровым, директором Института, в котором работал Эрик Григорьевич. При отборе имен в серию звания не играли роли. Важен был вклад в философскую науку и влияние личности философа на коллег. А оно сказывается прежде всего в изменении мышления. И многие из коллег Э.Г. Юдина, чьи интервью помещены в этом разделе (В.С. Степин, В.А. Лекторский,

В.П. Зинченко, В.М. Мунипов) прямо указывают, как именно идеи Юдина повлияли на их творческие искания. Последнее обстоятельство заставляет задуматься и об обратном влиянии социальной микросреды на судьбу наследия философа. Сами обстоятельства недолгой жизни Э.Г. Юдина не благоприятствовали тому, чтобы это наследие жило после его смерти. А оно жило и развивалось вопреки лихим временам. И в этом заслуга друзей и коллег.

Авторы воспоминаний особо отмечают не только влияние идей Э.Г. Юдина, но и обаяние, привлекательность его личности. И главное, что все они вспоминают, не сговариваясь, — самостоятельность его мышления. Ту самую, за которую его любили студенты и за которую его посадило КГБ. Самостоятельность мышления не ко всем приходит сразу, а к некоторым не приходит вообще; во всяком случае, ей нужно учиться. Эрик Юдин был сплона наделен самостоятельностью мысли говорят в один голос все, кто его знал. И их воспоминания объясняют нам причину этого: он сам был внутренне свободным человеком. Внутренняя свобода не зависит от времени и условий. Для ее обладателя не особенно важен существующий в обществе порядок: демократия, диктатура, демократическая диктатура или демократия в рамках порядка. Человек, как нам это давно объяснил Фромм, стремиться избавиться от бремени ответственности и выбора, убежать от свободы. В условиях относительной демократии для этого тоже есть масса возможностей: будь “как все” — и меньше будет у тебя забот конфликтов, в том числе и внутренних. Чувство внутренней свободы — это, конечно, заслуга самого человека, но откуда и как оно берется — кто это сможет объяснить? Ясно лишь одно: именно такие люди объективно становятся лидерами, хотя бы они того или нет. И о том, что Эрик Юдин был именно таким человеком, авторы воспоминаний тоже говорят в один голос.

Третья часть книги посвящена современному звучанию идей

С. Корсаков
Дело
о правоверном
еретике

В кругу семьи на даче. Слева направо: Эрик Григорьевич Юдин, Юлия Семеновна Трушко (мать), Анатолий Григорьевич Юдин (брат), Юрий Наумович Юдин (отец), Борис Григорьевич Юдин (брат). В центре: Ирина Юдина (дочь). Домоделово, 1960-е гг.

Э.Г. Юдина. Бесспорен его вклад в разработку системного подхода. Но еще важнее то направление творческого пути Э.Г. Юдина, которое он не успел в полной мере реализовать: соединение системного подхода с теорией деятельности. Нельзя не отнести такую ориентацию философской методологии к числу самых перспективных. И то, что Э.Г. Юдин именно так выстраивал свое творчество, свидетельствует о великолепном чувстве перспективы, присущем только очень ясному и организованному уму.

Многие коллеги Э.Г. Юдина в своих воспоминаниях удивляются, почему он оставил Институт истории естествознания и техники, где пользовался авторитетом и мог успешно развивать проблематику системных исследований, и перешел — с трудом и мытарствами — в Институт технической эстетики. Между тем подобный жизненный выбор мотивирован совершенно очевидно. Философ нацелил основное внимание на проблему деятельности. Но не бывает деятельности вообще. Деятельность всегда предметно направлена. Что же происходит с предметом в ходе деятельности? Предмет превращается, он одновременно — и наличный, и будущий. Деятель-

ность проективна по самой своей сути. Кроме того, деятельность соединяет внешнюю среду с человеком и его телом. Нож имеет острие, способное резать, и рукоятку, приспособленную к человеческой руке. Проблемы дизайна, проектирования и эргономики и были предметом исследований в Институте технической эстетики. Здесь можно было изучать деятельность как таковую.

Центральный материал третьей части книги — очерк А.П. Огурцова и Б.Г. Юдина. Здесь ярко обрисованы особенности стиля работы Э.Г. Юдина как философа-методолога. Самые перспективные идеи рождались у него, когда он обсуждал методологические проблемы частных наук с представителями самих этих наук — отсюда такое количество работ, выполненных в соавторстве. Философ сегодня — это во многом коммуникатор, медиатор, ему профессиональный долг предписывает быть мастером общения. Э.Г. Юдин владел этим даром от природы. Как справедливо отмечают авторы статьи, роль философа-методолога особенно велика при зарождении и формировании научной дисциплины. В этот момент он может прояснить специалистам их собственные исходные основания и познаватель-

ные процедуры, а заодно и проверить собственные представления об эволюции научного познания. В работе методолога напрямую проявляется активная природа познания (С. 230), свершается чудо овладения самим процессом познания как коллективного творчества.

Э.Г. Юдин разрабатывал системный подход как методологическую концепцию, нацеленную на раскрытие предельных оснований и предпосылок познавательной деятельности (С. 221). Сегодня мы говорим о социокультурных основаниях науки и техники. По существу, это понимание выросло из идей, высказывавшихся Э.Г. Юдиным и его коллегами синхронно с постпозитивистами в западной философии. Думается, что именно эта тенденция побуждала Э.Г. Юдина стремиться соединить системный подход с теорией деятельности. Само выдвижение системы в качестве «объяснительного принципа» (С. 224) связано с широчайшей распространенностью систем в сегодняшней человеческой практике — по той же причине идея механизма стала моделью мирообъяснения в науке и философии XVII–XVIII веков.

Очень ценно и то, как Э.Г. Юдин акцентировал вопрос о возможностях и границах системного подхода. Для рефлексивно мыслящего исследователя одно неотделимо от другого. Однако на практике сторонники системного подхода очень часто безудержно расширяют сферу его применения и компрометируют этим сам подход. И авторы статьи совершенно справедливо обращают внимание на сформулированный Э.Г. Юдиным принцип: системный подход как общенаучная методология не может подменять собой специально-научное исследование. Он настойчиво предупреждает от опасности схематизма, «чистого методологизма» (С. 223). Зато системный подход незаменим при постановке проблемы, при выборе методов исследования и, что существенно, при конструировании предмета исследования — особенно там, где системность изучаемого объекта не дана изначально, а задается иссле-

дователем и вытекает из включенности этого объекта в систему человеческой деятельности.

Но здесь следовало бы подчеркнуть и другую сторону дела: системный подход как общенаучная методология не претендует на решение задач, решаемых философской методологией. Это вполне ясно прописано в работах Э.Г. Юдина, В.Н. Садовского¹. Авторы же статьи относят деятельностный подход к тому же общенаучному уровню методологии, что и подход системный. Но в свете сказанного выше это вызывает сомнения: как представляется, деятельностный подход выходит уже на уровень философской методологии, поскольку его исходная посылка — действующий в мире человек. Здесь налицо прямая связь с предметом философии.

Конкретный вклад Э.Г. Юдина в теорию деятельности, как об этом пишет Д.Л. Ситникова, — это полифункциональное понимание деятельности, различение ее как объяснительного принципа и как предмета исследования. В этом различении Э.Г. Юдин проявил себя как рефлектирующий методолог. А как философ он показал, что в эпоху, когда производственная практика пропитана достижениями человеческого интеллекта, а наука превратилась в научное производство, бессмысленно противопоставлять теоретическую деятельность практической. Связь теории с практикой многократно опосредована, и если в своих предельных основаниях эта связь базируется на универсалиях культуры, то взаимодействие теории и практики немислимо без работы методолога, для которого знание как таковое есть предмет уже не только изучения, но и конструирования.

Немецкий автор сборника М. Отте убедительно продемонстрировал высокий уровень методологической культуры Э.Г. Юдина, проявившийся, в частности, в том, как ясно исследователь отдавал себе отчет в ограниченности тех понятий, с которыми работал, в их соотносительности с другими понятиями.

В статье А.Б. Холмогоровой

¹ Юдин Э.Г. Методология науки. Системность. Деятельность. М., 1997. С. 216, 220–222; Садовский В.Н. Системный подход и общая теория систем: статус, основные проблемы и перспективы развития // Системные исследования. 1979. М., 1980. С. 34, 36.

За месяц до смерти.
Вместе с братом
Борисом. Ереван,
декабрь 1975 г.

очень ясно показано, сколь неслучайным было развитие методологической рефлексии именно в науке середины и второй половины XX века. Наука, по преимуществу накапливавшая знания, не испытывала проблем с определением предмета исследования и решала методологические коллизии сведением сложного к простому. Методология как Декарта, так и Бэкона — лучшая тому иллюстрация. Но на “теоретическом” этапе, когда обобщение накопленных данных требует, как писал Э.Г. Юдин, “идеи целостности”, системный подход просто незаменим (С. 287). В такой науке резко возрастает удельный вес и значение методологических исследований. В этом, в частности, проявляется активная природа познания, необходимость привносить какую-то общую идею в организацию материала. Но полностью в свои права методология вступает на той стадии развития науки, когда та начинает иметь дело с комплексными, системными объектами, включающими в качестве неотъемлемого компонента человеческую деятельность. Происходит формирование комплексных по своей природе постнеклассических наук (С. 296). Научный поиск в такой ситуации немислим без междисципли-

нарного синтеза. Э.Г. Юдин в своих работах продемонстрировал глубокое понимание этих тенденций развития науки. Он писал о том, что ныне задача методолога состоит не в сведении сложного к простому, но напротив, в применении методологии, адекватной сложности объекта на всех уровнях. Комплексный объект становится предметом анализа сразу нескольких наук, и задача методолога — представить объект как многостороннюю, но вместе с тем целостную исследовательскую задачу (С. 298–299). Эти идеи Э.Г. Юдина как нельзя более современны. Они прямо связаны и с теми задачами, которые решает Отдел комплексных проблем изучения человека Института философии РАН.

Завистники и бюрократы не хотели, чтобы философ Эрик Юдин не то что довел до конца, но даже понастоящему начал свое творческое дело, и для этого ему дело “сшили”. Но его жизненный и творческий путь свидетельствует, что не горят и те рукописи, которые даже еще не написаны. Зато их с вниманием и благодарностью читают последователи.

© 2011 С.Н. КОРСАКОВ,
кандидат философских наук